ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Преемственность письменной традиции и ее роль в формировании литературы Севера в 20-30-е гг. XX в.

Иванова Э. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении преемственности письменной традиции в литературе Севера 20-х и 30-х гг. XX века. В текстах наивных авторов 20-х годов были заложены основы автобиографического повествования, определившие особенности художественного творчества писателей в 30-е гг. XX в. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые установлены типологические связи текстов 20-х годов с произведениями 30-х годов авторов-северян и уточнены хронологические рамки зарождения северной литературы. Автором определяется взаимодействие письменной традиции в северной литературе на примере текстов из сборника «О нашей жизни» (1929) и художественных произведений «Младший сын Вэдо» (А. Пырерка, 1936), «Сиротинка» (Н. Сахарова, 1938). Характерными чертами повествований являются документальность, субъективность, фактологичность, описательность и тематичность. Полученные результаты позволяют установить, что письменные тексты «наивных» авторов 20-х гг. заложили основы автобиографической прозы последующего десятилетия. Важная роль рассказов-воспоминаний 20-х годов в становлении младописьменной литературы позволяет скорректировать представления об этапности ее развития, выделив 20-е гг. XX века в качестве первого этапа.

EN

Continuity of the written tradition and its role in the development of Northern literature in the 1920s and 1930s

E. V. Ivanova

Abstract. The study examines the continuity of the written tradition in the literature of Russia's North during the 1920s and 1930s. Texts by "naïve" writers of the 1920s laid the foundations for autobiographical narration, shaping the literary practices of northern writers in the following decade. The scientific novelty lies in identifying, for the first time, typological links between texts from the 1920s and works by northern authors of the 1930s, and in refining the chronology of the emergence of Northern literature. The article traces the interaction of written traditions through texts from the collection "About Our Life" (1929) and the literary works "The Younger Son Vedo" by A. Pyrerka (1936) and "The Little Orphan" by N. Sakharova (1938). Their characteristic features include documentary quality, subjectivity, factual detail, descriptiveness, and thematic focus. The findings indicate that the written texts of "naïve" authors in the 1920s laid the foundations for autobiographical prose in the following decade. The important role played by memoir-like stories of the 1920s in the development of newly written Northern literatures calls for a reassessment of their developmental stages, with the 1920s identified as the first stage.

Введение

В исследованиях литератур Севера рассматриваются вопросы мифофольклорного влияния (Хазанкович, 2009; Жулева, 2019; Динисламова, 2020), взаимодействия литератур (Бакула, 2021), жанровой специфики (Степанова, Комаров, 2024), особенностей автобиографического повествования (Романенко, 1958; Комановский, 1973; Бурцева, 2022), своеобразия сюжетов и мотивов (Непомнящих, 2022). Вместе с тем в настоящее время не теряет своей значимости изучение истоков зарождения литературы народов Севера. Ее появление связывают с 20-ми годами XX века, т. е. с изданием письменных текстов в сборниках «Тайга и тундра» (1928) и «О нашей жизни» (1929) (Сергеев, 1955; Пошатаева, 1988; Хазанкович, 2017; Иванова, 2026). С другой стороны, исследователи указывают на 30-е годы, в которые были опубликованы художественные произведения юкагира Тэки Одулока («Жизнь Имтеургина-старшего», 1934), эвена Николая Тарабукина («Мое детство», 1938), ханты Григория Лазарева («Мы дети одной семьи», 1938) (Окорокова, 1990; Косинцева, 2013).

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260501

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью включения письменных текстов 20-х годов в широкий исторический контекст северных литератур для создания целостной картины формирования младописьменной литературы Севера в начале XX века, что, в свою очередь, позволит прояснить не только детерминанты ее возникновения, но и этапность литературного развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить характерные особенности письменных и художественных текстов северных авторов 20-х и 30-х гг. XX в.
2. Установить типологические связи произведений «наивных» авторов 20-х и писателей 30-х гг. XX в.
3. Уточнить хронологические рамки начального этапа младописьменной литературы народов Севера.

При решении задач в исследовании использовались историко-типологический метод в целях изучения становления младописьменной литературы Севера, принципы историко-генетического изучения произведения для выявления преемственности письменной традиции, методы функционально-стилистического и контекстуального анализа текста.

Материалом для исследования послужили письменные тексты из сборника «О нашей жизни» (1929) и произведения А. Пырерки «Младший сын Вэдо» (1936), Н. Сахарова «Сиротинка» (1938).

Теоретическую базу составили работы Б. Л. Комановского (1973), А. В. Пошатаевой (1988), Н В. Цымбалистенко (2003), содержащие богатый фактический материал о зарождении младописьменной литературы Севера и периодах ее развития; исследования Д. Д. Благого (1962), А. Б. Бушмина (1975), посвященные теоретическому осмыслению проблемы преемственности литературной традиции в художественном творчестве как одной из закономерностей развития литературы; труды М. М. Бахтина (1975), Л. Я. Гинзбург (1977), в которых рассматриваются особенности автобиографического повествования, формы художественной интерпретации личной судьбы автора и реальных событий из его жизни.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты и выводы могут быть использованы в рамках вузовских курсов по истории младописьменной литературы Севера.

Обсуждения и результаты

Теоретическому осмыслению историко-литературной проблемы возникновения и развития художественного слова у народов Севера способствует исследование преемственности письменной традиции 20-х и 30-х годов XX века. В сборниках «Тайга и тундра» (1928) и «О нашей жизни» (1929) представлены небольшие рассказы студентов Ленинградского восточного института (ЛВИ им. А. С. Енукидзе). Жанровые особенности текстов из названных изданий подробно рассмотрены в нашей статье «Специфика письменной литературы народов Севера 20-х годов XX века». «Наивные» авторы 20-х годов писали о себе, известных им событиях, быте, мировоззрении в доступной для них форме рассказов-очерков, этнографических рассказов, рассказов-воспоминаний (Иванова, 2026).

Далее обратимся к сборнику «О нашей жизни» (1929). В нем опубликованы рассказы-воспоминания, основанные на фольклорной традиции устного рассказа. Для текстов характерны небольшой объем, документальность и субъективность. В них описываются личные впечатления, бытовые сценки из повседневной жизни, хозяйственная деятельность и верования северных этносов.

Повествование ведется от первого лица. Заголовки отсылают к личной истории автора, конкретному событию, месту и времени («Сиротка Ваня» (интельменский рассказ), «Охота на соболя» (рассказ гольда), «Как я начал учиться» (рассказ самоеда), «Город Ленинград», «Весна» (тунгусский рассказ), «Наши суеверия» (рассказ ульчи). Например, автор «Жизни самоедской» (1929) приводит сведения о расселении, постройке чума, традиционных занятиях ненцев, подробно описывает коллективную охоту на зверя. В рассказе-воспоминании «За нерпами» (рассказ интельмена) (1929) говорится о трагическом случае на реке, произошедшем с товарищем отца автора. Раненые нерпы опрокинули лодку рыбака, в результате чего он утонул. В период антирелигиозной борьбы (20-х гг. XX в.) заглавие «Наши предрассудки» (рассказ вогула) закономерно и, казалось бы, содержит негативную эмоциональную коннотацию, но само повествование нейтрально и безоценочно. Автор буднично описывает проведение обряда перед добычей рыбы: «…купили за 50 рублей быка, зарезали его, собрали кровь и повезли ее на озеро. На озере вырубили прорубь, вылили в нее кровь и бросили серебряных денег» (Наши предрассудки (рассказ вогула)), 1929, с. 13).

Достоверность в произведениях достигается не только благодаря изложению фактов из реальной жизни, но также благодаря описаниям эмоционального состояния и выражению авторского отношения к изображаемому. Ительменский автор в одном из эпизодов раскрывает чувства ребенка: «Горько плакал он и каждый день ходил к ней на могилу. Долго, долго, сидел там и нагнувшись к могиле, звал: “ма-ма, м-ам-а, выходи наверх, пойдем домой”» (Сиротка Ваня (интельменский рассказ), 1929, с. 19). В «Охоте на медведя» запечатлены переживания 13-летнего мальчика, встретившегося с белым медведем. Следующие строки передают его страх и волнение: «Не знал, что мне делать … в испуге схватил ружье … руки так тряслись … кое-как … вложил патроны. Расстрелял все 12 патронов и не знал, что мне делать дальше … ехал, не разбирая куда еду … Меня спрашивают, а я молчу» (Охота на медведя (тунгусский рассказ), 1929, с. 78).

Включение в повествование диалогов оживляет его, раскрывая личность человека. Так, например, в рассказе вогула «Муж и жена» показано жестокое обращение мужчины к супруге, которой он приказывает сразу после ее родов готовить еду. Автор сообщает о ней: «…такая зеленая, страшная, что смотреть было тяжело»

(Муж и жена (рассказ вогула), 1929, с. 13). Женщина ходила босая за водой, готовила угощение и месила хлеб. В беседе гостей с хозяином выясняется причина его неприглядного поведения:

« – Почему у тебя жена ходит босая? На карты деньги есть, а на обувь жены нету?

– А потому, – ответил нам муж, – что, если их, баб, нарядить, так они станут гулять с другими» (Муж и жена (рассказ вогула), 1929, с. 12).

Текст «Как я попал на Севфак» (рассказ долгана) исходя из его содержания, является автобиографическим. Он представляет собой небольшое по объему повествование от первого лица в прошедшем времени.

Композиция рассказа включает в себя заголовок «Как я попал на Севфак», основную часть, подразделяющуюся на три логических части, описывающих опыт молодого юноши долгана (о его жизни до поездки в Ленинград, о путешествии туда и первых днях жизни на Северном факультете в Ленинграде), и заключение из одного предложения – «Вот как я попал на Севфак», завершающее рассказ и дающее ему рамочное обрамление.

Экспозиция рассказа, состоящая из двух предложений («Я рос без родителей. Воспитывался в чужих людях и работал ради куска хлеба»), не имеет разграничительных маркеров и плавно переходит в основную часть (Как я попал на Севфак, 1929, с. 44).

Основная часть открывается сообщением о возрасте рассказчика (15 лет), его занятиях и заботах – заработок и пропитание («должен был вязать сети для рыбной ловли», «купил себе шарф», «сшил себе рубашку», «поступил рабочим к одной вдове») (Как я попал на Севфак, 1929, с. 44).

Завязка рассказа складывается вокруг выбивающегося из рутины обычной трудовой жизни поселка Хатенга (вероятно, Хатанга), где жил юноша, события – открытия школы («В это время у нас в Хатенге открыли туземную школу. Нас в школе было 10 человек»), поступления и обучения в ней главного героя-рассказчика («Я сейчас же поступил в нее») и последующего от его учителя предложения ехать в город [учиться] («а меня преподаватель стал уговаривать ехать с ним в город») (Как я попал на Севфак, 1929, с. 44). Кульминацией можно считать момент, когда рассказчик потерялся в Ленинграде в толпе на вокзале («В толпе я потеляр своего студента и минут 20 простоял; боясь двинуться. Вдруг слышу кто-то дергает меня за пальто. А это мой товарищ») (Как я попал на Севфак, 1929, с. 45).

Повествование «Как я попал на Севфак» – уже письменный, но еще не художественный текст. Согласно И. Р. Гальперину, под письменным текстом понимается «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 1981, с. 18). Этим критериям «Как я попал на Севфак» соответствует, но при этом интересна не только форма произведения, но и возможность «заглянуть» во внутренний мир автора, знавшего в совсем недавнем прошлом только родной – долганский – язык, но уже использующего средства русского языка для передачи своих переживаний. Текст оказывается проводником в поле, доступное наблюдению, предоставляя возможность сделать некоторые выводы о самосознании человека, переживающего переломные изменения в основополагающих сферах существования – культурной, языковой, общественной. Очень важно также заметить, что при редактировании сборника «О нашей жизни» (1929) его составитель, учитель русского языка ЛВИ А. К. Подгорская (1929) стремилась минимизировать правку в целях сохранения оригинального авторского стиля.

Основные перипетии повествования связаны с переменой привычного уклада жизни, со сложностями, их преодолением и страхом перед неизвестностью. Боязнь чужого и нового является ведущим эмоциональным настроем произведения. Герой боится ехать далеко, в чужое место, с другими людьми:

«Я очень боялся города, так как не знал, как в нем жить. Но я все-таки решился ехать».

«Я ехал, как в черную бутылку. Ничего не знал и не видел, что меня ждет».

«…мне говорили, что я еду очень далеко, что меня там будут бить и ругать, что жизнь моя будет очень плохая и т. д. Все это приходилось слушать и мучиться, но деться было некуда и я решил, что пусть будет, что будет».

«…был основательно поражен видом города – большими каменными домами в 3-4 этажа».

«Я был очень поражен трамваями».

«…минут 20 простоял, боясь двинуться».

«Отойду от ворот на пять шагов и оглядываюсь, т. к. боюсь заблудиться» (Как я попал на Севфак, 1929, с. 44).

Для передачи своих чувств на лексическом уровне рассказчик использует лексемы «боялся», «боясь» «приходилось», «мучиться», «не знал», «бить», «ругать», «плохая (жизнь)», «поражен».

Также можно отметить наличие просторечных единиц («свели меня», «Тут он сдал меня коменданту»), не вполне уместный выбор лексем («объявили, что отправляют меня в Ленинград», «был основательно поражен видом города»), стилевое нарушение сочетаемости («но я не умел ответить»).

Интересны сравнения, к которым прибегает юноша с традиционным, воспитанным в тесной связи с природой сознанием: поток людей в большом городе он сравнивает с потоком воды (люди лились, как вода, без остановки); ожидание от встречи с городом он сравнивает с бутылкой («ехал, как в черную бутылку. Ничего не знал и не видел, что меня ждет»). Возможно, черный цвет бутылки отражает неизвестность будущего и страх перед ним, ощущение опасности, а форма – замкнутость в пространстве.

К синтаксическим особенностям повествования можно отнести преобладание следующих предложений: простых («Я рос без родителей», «Нас в школе было 10 человек»); простых, осложненных однородными

членами («На этом месте я прожил два месяца и получил расчет»); парцеллированных («Я очень боялся города … Но я все-таки решился», «Вдруг слышу кто-то дергает меня за пальто. А это мой товарищ», «…боюсь заблудиться. А потом привык») и сложносочиненных («Преподаватель поместил меня в Рике и я здесь прожил у сторожа полторы недели»).

Также представлены черты разговорного синтаксиса – опущение подлежащего («воспитывался в чужих людях», «Получил деньги на продовольствие, сел на пароход и поехал», «Когда приехал в город Красноярск, то был основательно поражен видом города», «Прожили мы здесь 3 дня», «Не пил, не ел»), инверсия подлежащего и сказуемого («взял я заработанные два рубля»), инверсия обстоятельства («Долго я никуда не ходил»), дистантное расположение частей сказуемого («Ехать на пароходе пришлось 14 дней»), нарушение видовременной конгруэнтности («Все это приходилось (несов. вид) слушать и мучиться, но деться (сов. вид) было некуда»), использование исторического настоящего времени, характерного для устной речи («Отойду от ворот на пять шагов и оглядываюсь, т. к. боюсь заблудиться») (Как я попал на Севфак, 1929, с. 44-46).

Особенности фонетического уровня сложно доступны для восприятия. Поскольку автор не прибегает к графическим или пунктуационным средствам для их отображения, можно предположить, что общий тон повествования спокойный и размеренный. Имеет место ошибочное написание слова «потерял» («В толпе я потеляр своего студента»), что или является орфографической ошибкой автора, или опечаткой при наборе текста, или отражает искажение произношения слова автором-рассказчиком.

Таким образом, рассказ «Как я попал на Севфак» обладает текстовыми признаками связности, целостности и функциональной направленности. Для него характерны простота слога, описательность, просторечность. Культурная маркированность текста выражена в выборе языковых единиц: особенности этнического мировидения, а именно перенос черт живой природы на урбанистический пейзаж, размывание границ между ними, переданы при помощи сравнений и, можно заключить, являлись неотъемлемой частью традиционного северного сознания начала XX в.

Отсутствие литературного опыта в культурах народов Севера в начале прошлого века обусловило обращение «наивных» авторов 20-х годов к личной биографии. Особенностью письменных текстов является документальность. Содержание рассказов-воспоминаний лаконично отражает факты, ситуации, обстоятельства реальной действительности. Живописность и занимательность рассказам-воспоминаниям придают такие черты, как событийность, введение диалогов, эмоционально окрашенная речь. Для текстов характерны целостность, связность, завершенность.

По справедливому замечанию Д. Благого (1962), для литературного развития преемственность является необходимым условием. Он отмечал, что любое произведение, несмотря на его принадлежность конкретному автору, «является органическим звеном в длительной цепи развития прежде всего данной национальной литературы, а затем и литературного движения человечества». Рассказы-воспоминания о себе 20-х годов, сложившиеся из фольклорной традиции устных рассказов, способствовали появлению автобиографических произведений в 30-е годы. Они включают в себя уже обозначившееся ранее документальное начало, но приобретают также и художественное начало. Л. Гинзбург писала о том, что «особое качество документальной литературы – в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» (1977, с. 9).

Документальное начало проявляется в том, что в основу произведений Антона Пырерки («Младший сын Вэдо», 1936), Николая Вылки («На острове», 1937), Николая Тарабукина («Мое детство», 1938), Никиты Сахарова («Сиротинка», 1938) легли события из жизни самих авторов и их сородичей. В текстах сохраняется специфика речи рассказчика, язык произведений отличают краткость и сжатость изложения, характерные для устной речи.

Художественное начало текстов 30-х гг. выражается в том, что писатели структурируют повествование, создают систему персонажей, творчески выстраивают диалоги. Субъективность как неотъемлемая черта художественности выражается в выборе фактов и их интерпретации. При этом основополагающей для автобиографических произведений северных писателей является правдивость. Рассказывая о себе, авторы-северяне представляют собственную жизненную концепцию, не всегда полно и точно отражающую факты и события из прошлого опыта, что, в свою очередь, приводит к условности в произведении. Таким образом, автобиографическое повествование, несмотря на фактографичность, является, на наш взгляд, художественным произведением.

Говоря об автобиографической форме античного романа, М. Бахтин отмечал, что основанием для нее являлся «новый тип биографического времени и новый специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь» (1975, с. 281). Для северных литераторов 30-х гг. XX в. тема детства, т. е. прохождения жизненного пути, была чрезвычайно актуальна. Так, например, в авторской версии собственной жизни А. Пырерки («Младший сын Вэдо», 1936) и Н. Сахарова («Сиротинка», 1938) ими воссоздана действительность их детства с ее суровыми испытаниями и душевными радостями.

Повесть Антона Пырерки «Младший сын Вэдо» композиционно разделена на короткие рассказы, заглавия которых предваряют повествование о важных событиях в судьбе героя («Родные», «Их не стало», «Первая злоба», «Совсем одни», «Новые друзья», «Деться некуда», «Поиски Вата», «Новые мысли», «Все хозяева одинаковы», «Я буду учиться»). Произведение Никиты Сахарова «Сиротинка» состоит из двух глав. Повествование ведется от первого лица. Целостность автобиографического текста достигается за счет хронологического принципа изображения значимых для героев событий.

Общим для обоих произведений является мотив сиротства. Смерть ужасает и страшит детей. Антон Пырерка, описывая последние минуты отца Хэдо, использует образ злого духа Нылеко, предвещавшего скорый уход близких людей в традиционной культуре ненцев:

«Однажды ночью он так громко закашлял, что разбудил сестренку Еване. Она расплакалась и стала кричать:

– Боюсь!

Мама держала ее на руках и уговаривала:

– Что с тобой, Еванеко? Ты ведь у своей мамы. Пусть хранит тебя Великий Нум.

Но сестренка кричала еще сильнее:

– Мама! Нылека пришел! Вот он! Руки у него большие-большие. Мама, Нылеко схватил папину шапку.

Услышав крики сестры, я тоже испугался и закричал. Мама засветила скорее коптилку, наполненную жиром морского зверя, стала плевать во все стороны и приговаривать:

– Тьфу! Тьфу! Тьфу! Уберись, окаянный! Зачем пугаешь моих деток?» (Пырерка, 1960, с. 8).

Маленький герой Никиты Сахарова знает, что у эвенков есть поверье о том, что увидеть падающую звезду – к несчастью. Старики говорили: «Если упадет звезда – непременно умрет кто-то из эвенков. Поэтому, когда мне казалось, что по небу летит звезда, я быстро набрасывал оленью шкуру на голову: боялся стать виновником чьей-то смерти» (Сахаров, 2016, с. 6).

Мытарства и обездоленность приходят в жизнь героев со смертью родителей. Одиночество мальчиков характеризует такие черты, как бездомность, хождение по людям и жестокость чужих людей. Социум оказывается враждебным для ребят. Они чувствуют свою отверженность и беззащитность, подчеркнутую жестоким отношением к ним злых хозяев (дядя, старуха-хозяйка (А. Пырерка), кулак Гурга (Н. Сахаров)). В то же время в их окружении всегда находятся люди, относящиеся к ним с состраданием (Пойко, старик Васька, учительница Марья Яковлевна (А. Пырерка), старик Дува, бабушка (Н. Сахаров). Милосердие и доброта учительницы Марьи Яковлевны оказывали благотворное влияние на поступки Хэдо. Он «старался быть хорошим» (Пырерка, 1960, с. 33). Для героя Н. Сахарова (2016) близким человеком стала чужая приютившая его бабушка.

В произведениях северных писателей чувства, поступки, желания главных героев отражают их взаимоотношения в пространстве «Я» и «Другие» (внешние). Они доверчивы к миру, с горечью переживают обиды и несправедливость, искренне радуются доброму слову и поддержке. Взаимодействуя с миром, определяют, что такое добро и зло, радость и горе. В финале обозначен путь, ведущий к положительной перемене в их судьбе. Антон Пырерка и Никита Сахаров связывают его с образованием, ключевой темой 30-х годов, подчеркивая тем самым, что на смену скитаниям и одиночеству приходит счастливая жизнь в новом мире.

В рассмотренных повествованиях А. Пырерки «Младший сын Вэдо» и Н. Сахарова «Сиротинка» автобиографическое начало является основным принципом изображения персонажей и художественной реальности. Авторы творчески воссоздают мир детства, полный драматизма и радости, наблюдений и впечатлений. Для произведений Н. Сахарова и А. Пырерки присущи типизация, оригинальность и завершенность, что, в свою очередь, указывает на художественность произведений, являющуюся одной из основополагающих категорий литературы.

Таким образом, в рассмотренных рассказах-воспоминаниях 20-х годов и художественных текстах 30-х годов А. Пырерки, Н. Сахарова личный опыт автора определяет их содержание. Пространство и время связаны с жизненными реалиями «наивных» авторов и писателей.

Известный советский литературовед А. С. Бушмин (1975) отмечал, что одним из проявлений исторической преемственности в литературе является повторяемость. Согласно мнению ученого, повторяемость обусловлена тремя факторами: 1) отражением сходных явлений действительности; 2) ролью в создании произведения не только самого автора, но и литературной традиции; 3) спецификой художественного освоения мира, выражающейся в появлении устойчивых форм (жанры).

Названные детерминанты прослеживаются в истории северной литературы. Во-первых, авторы 20-х годов писали о случаях из своей жизни, промыслах, быте, верованиях, обычаях. В 30-е годы произведения живописно раскрывают особенности традиционного мира и повествуют о социальных преобразованиях. Во-вторых, североведам и студентам 30-х годов, обучавшимся в Ленинграде, были известны тексты сборника «О нашей жизни» (1929), которые были предназначены для ознакомления с культурой северных народов, обучения русскому языку учащихся учебных заведений и могли служить для них письменными образцами. В-третьих, автобиографические черты рассказов-воспоминаний характерны для художественных повествований 30-х годов.

Рассмотрение письменных текстов 20-х годов и автобиографических произведений Н. Сахарова и А. Пырерки, написанных в 30-е годы, позволило установить следующие типологические связи между ними:

1. Документальность. Автор повествует о событиях, в которых сам принимал участие или наблюдал их.
2. Субъективность. Автор является реальным субъектом высказывания. В произведении показано его отношение к описываемым людям, обстоятельствам, жизненной ситуации.
3. Фактологичность. Воспроизведение фактов реальной действительности.
4. Описательность. В текстах представлены повседневная жизнь северных народов, традиции, обряды и обычаи.
5. Тематичность. Основными темами произведений являются быт, хозяйственная деятельность, традиционное мировоззрение.

В повествованиях северных авторов действительность представлена в рамках их личной истории. Они выступают в роли действующего лица, описывающего свою жизнь. Авторская индивидуальность проявляется

в отборе материала и последовательности расположения его в тексте. Но при этом в творчестве «наивных» авторов и писателей прослеживаются определенные различия. В письменных текстах 20-х годов реальность отражена эпизодично и фрагментарно. Изложение фактов, событий, ситуаций осуществляется в соответствии с исторической правдой. В произведениях 30-х годов Н. Сахарова и А. Пырерки воссоздана художественная версия личной судьбы. В автобиографических произведениях рассказывается о трудном детстве, семейных и общественных отношениях.

Вышеизложенное позволяет говорить об этапности литературного развития. Как упоминалось ранее, в литературоведении остается дискуссионной проблема, связанная с хронологическими рамками первого этапа северной литературы (20-е или 30-е годы). В свое время Е. В. Косинцева (2013) относительно хантыйской литературы писала о том, что среди исследователей нет единого подхода к ее периодизации из-за отсутствия универсальных критериев. Справедливое замечание ученой применимо в целом и к истории литературы Севера. В 50-е годы XX века известные североведы М. А. Сергеев (1955) и М. Г. Воскобойников (1956) в качестве начального этапа северной литературы называли 20-е годы, связывая его с выпусками сборников «Тайга и Тундра» (1928) и «О нашей жизни» (1929). М. Г. Воскобойников (1956) указывал на 1927-1931 годы, период, в который учениками (школы Крайнего Севера) и студентами (г. Ленинград) были написаны короткие рассказы и литературные монтажи, появились печатные издания.

Обоснованием для выделения 20-х годов XX века в качестве первого этапа литературы народов Севера может быть несколько факторов. Во-первых, появление первых письменных текстов и их публикация. Во-вторых, предельная документальность рассказов-воспоминаний, определившая основополагающую автобиографическую доминанту в творчестве авторов-северян в 30-е годы. В-третьих, преемственность жанровой специфики. Повествования 20-х и 30-х годов относятся к текстам малой формы. Для рассказов-воспоминаний «наивных» авторов 20-х годов свойственны такие жанровые особенности, как достоверность, рассказ о себе, фактологическая содержательность текста, сжатость и краткость. Опорой для правдивого воспроизведения действительности являются наблюдения автора и его знания об окружающем мире. В эти годы были заложены основы реалистического изображения событий и жизненных ситуаций, оказавшие непосредственное влияние на своеобразие художественного творчества в 30-е годы. Описание в 20-е годы отдельных сторон традиционной жизни северных этносов в 30-е годы превращается в целостное повествование о действительности. Сочетание в творчестве А. Пырерки и Н. Сахарова документального и художественного начал придают ему ощущение живой жизни, вызывая сопереживание к героям. Характерными чертами произведений являются установка на подлинность, обращение к биографии, открытость финала.

Таким образом, словесность «наивных» авторов 20-х годов (воспроизведение достоверных историй, фактов, событий из жизни автора) в следующее десятилетие приобретает качественно новое измерение, выраженное в художественном осмыслении реального бытия, сохраняя при этом типологические связи, обеспечивающие преемственность письменной традиции 20-х и 30-х годов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В рассказах-воспоминаниях «наивных» авторов-северян 20-х годов раскрывается своеобразие этнической самобытности и социальной организации северных этносов. Достоверность произведений основана на правдивом, без искажений, воссоздании подлинной реальности. В 30-е годы универсализация личного опыта, вобравшего в себя впечатления, эмоции, переживания, послужила организующим началом в индивидуальном авторском творчестве. Факты биографии, описания традиционного мира, художественное осмысление действительности включены в структуру произведений А. Пырерки и Н. Сахарова. Для рассмотренных текстов характерны общие признаки: целостность, связность и завершенность. Отличительной чертой повествований 30-х годов являются условность, типизация, оригинальность, придающие им художественное начало.

Опора на жизненный материал способствовала написанию «наивными» авторами первых письменных текстов в 20-е годы, тогда как в 30-е годы личный опыт послужил основой для сюжета художественных произведений писателей. Рассказ о себе обусловил наличие таких типологических черт в текстах 20-х и 30-х годов, как документальность, субъективность, фактологичность, описательность и тематичность, что и указывает на преемственность письменной традиции в северной литературе.

В повествованиях малой формы «наивных» авторов и писателей начала XX века запечатлена традиционная модель мира северных этносов. Первые опыты реалистического изображения действительности в 20-е годы определили появление автобиографических произведений в 30-е годы. Жанр рассказов-воспоминаний, в основе которых лежала фольклорная традиция устного рассказа о себе, бытовых и промысловых историях, способствовал формированию в 30-е годы автобиографического жанра в младописьменной литературе Севера. Переход от фактологического изложения к художественному осмыслению судьбы человека указывает на эволюцию северной литературы и ее переход на качественно новый уровень, поэтому целесообразным видится включение периода 20-х гг. в первый этап истории северной литературы.

В качестве перспективы дальнейшего исследования представляется интересным рассмотрение особенностей формирования автобиографического жанра в литературе Севера.

Материалы исследования | Research materials

1. Жизнь самоедская // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
2. За нерпами (рассказ интельмена) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
3. Как я попал на Севфак (рассказ долгана) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
4. Муж и жена (рассказ вогула) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929
5. Наши предрассудки (рассказ вогула) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
6. Охота на медведя (тунгусский рассказ) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
7. Пырерка А. Младший сын Вэдо. Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1960.
8. Сахаров Н. Сиротинка // Поэт Тунгирской земли: сборник. Тупик: МБУ «Районный центр досуга» муниципального района «Тунгиро-Олёкминский район» Забайкальского края, 2016.
9. Сиротка Ваня (интельменский рассказ) // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.

Источники | References

1. Бакула В. Б. Преемственность литературных традиций в поэзии кольских саамов // Слово. Текст. Контекст. 2021. № 1 (5).
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
3. Благой Д. Диалектика литературной преемственности // Вопросы литературы. 1962. № 2. https://voplit.ru/article/dialektika-literaturnoj-preemstvennosti/
4. Бурцева Ж. В. Специфика первых автобиографических повествований северной литературы Якутии («Жизнь Имтеургина-старшего» Т. Одулока, «Моё детство» Н. Тарабукина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12. https://doi.org/10.30853/phil20220673
5. Бушмин А. Б. Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975.
6. Воскобойников М. Г. Литература народов Крайнего Севера за 25 лет (краткий обзор) // В помощь учителю школ Крайнего Севера / сост. Ф. Ф. Кронгауз. Л.: Учпедгиз, 1956. Вып. 6.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
8. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.
9. Динисламова С. С. Миф в творчестве Ю. Шесталова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 3.
10. Жулева А. С. Мифологемы в ненецкой поэзии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28).
11. Иванова Э. В. Специфика письменной литературы народов Севера 20-х годов XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. Вып. 3. https://doi.org/10.30853/phil20260151
12. Комановский Б. Л. Самые молодые литературы. М.: Знание, 1973.
13. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. дисс. … д. филол. н. Саранск, 2013.
14. Окорокова В. Б. Литература народов Севера Якутии: сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990.
15. Подгорская А. К. Предисловие // О нашей жизни: сборник рассказов, написанных студентами Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе и обработанных преподавателем А. К. Подгорской. Л.: Сев. фак. Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929.
16. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988.
17. Романенко Д. Рождение романа (К истории младописьменных литератур Российской Федерации) // Вопросы литературы. 1958. № 11.
18. Непомнящих Н. А. О чем говорят сюжеты и мотивы литератур народов Сибири и Дальнего Востока XX века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. https://doi.org/10.17223/18137083/81/6
19. Сергеев М. А. Предисловие // Творчество народов Севера / ред. М. А. Сергеев. Л.: Ленинградское и газетножурнальное и книжное изд-во, 1955.

20. Степанова Ю. Н., Комаров С. А. «Старшой» Е. Д. Айпина: рассказ или маленькая повесть // Слово. Текст. Контекст. 2024. № 2 (18).
21. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: автореф. дисс. … д. филол. н. М., 2009.
22. Хазанкович Ю. Г. Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2.
23. Цымбалистенко Н. В. Север есть Север: исторические судьбы коренных народов Ямала в литературном освещении. СПб.: Просвещение, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU

Иванова Эльвира Васильевна[1], к. филол. н., доц.
[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

EN

Elvira Vassilyevna Ivanova[1], PhD
[1] The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

[1] *tekenmi@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.06.2026; опубликовано online (published online): 27.10.2026.

Ключевые слова (keywords): младописьменная литература Севера; документальность литературы; преемственность литературного развития; автобиографическая проза; тексты «наивных» авторов; newly scripted literatures of the North; documentary writing; continuity of literary development; autobiographical prose; texts by “naïve” writers.